

Более того, подобные вещи допустимы, если случаются лишь изредка. Но если делать это постоянно, то и убийцы останутся безнаказанными. Разве можно превращать такое в закон для Поднебесной? То, что не может стать постоянным правилом, разве есть путь святого мужа? Поэтому правление святых государей, основавших династию Яньцин, всегда опиралось на человеческие чувства. Они не искали славы в странных поступках и не шли против естества ради доброго имени.

Наблюдая за тем, как Хуа Юйтан рассуждает о государственных делах, Лэн Чэнь заметил, как робость полностью исчезла из его глаз, уступив место лишь сиянию чистого разума. Его лицо, по-прежнему несравненно прекрасное, в лунном свете казалось ясным и возвышенным, исполненным гордости и достоинства. В глазах Су Лэна невольно вспыхнул странный блеск.

Он поднялся на ноги и, хлопнув в ладоши, рассмеялся:

— Хорошо! Су признает, что проигрывает тебе! И подумать только, что у Хуа Цзинжана есть такой талантливый, такой ослепительный младший брат!

Хуа Юйтан словно очнулся от наваждения. Вернувшись из своего забытья, он густо покраснел и, поспешно покачав головой, смущенно и испуганно пробормотал:

— Вы... вы слишком добры ко мне. Пожалуйста, не принимайте мои бредни всерьез. Талант моего старшего брата в тысячи, в десятки тысяч раз выше моего. Прошу вас, не говорите так.

Су Лэн не ответил. Он поднял голову и посмотрел на небо: восток уже начал светлеть, а полная луна клонилась к закату. Оказалось, что незаметно для себя они проговорили всю ночь.

Су Лэн глубоко посмотрел на съездившегося Хуа Юйтана и внезапно улыбнулся:

— Разговор с тобой принес мне огромную пользу. Но, если подумать, ведь моя главная цель на эту ночь так и не была достигнута.

— Какая цель? — растерянно спросил Хуа Юйтан.

— Украсть аромат и похитить нефрит, — Су Лэн улыбнулся донельзя хитро, внезапно подался вперед и накрыл губы Хуа Юйтана, прекрасные, как лепестки персика, своими. А затем, воспользовавшись его оцепенением, совершил изящный кувырок, перемахнул через стену и исчез, словно птица.

Издали донесся его чистый голос:

— Красавец, еще увидимся!

Сяо Бай, неведомо где скрывавшийся, наблюдал за всей сценой. Молча паря рядом с Чжоу Баем, он чувствовал, что его внутренний мир рухнул. Ему хотелось схватить Чжоу Бая за воротник и яростно трясти: Скажи мне, что это неправда! Скажи, что ты не учился в актерской

школе!

Чжоу Бай, напротив, с живым интересом спросил Сяо Бая:

— Как тебе этот персонаж? Несравненный красавец, обладающий невероятным талантом, но затравленный законной женой отца. В обычной жизни — мягкий и невинный, как белый лотос, но в вопросах знаний и искусства — одержимый и глубоко проницательный. Простой, но твердый, нежный, но с нестигаемым хребтом.

Выражение лица Чжоу Бая было мягким, улыбка — кроткой, но в глазах плясали пугающе азартные искорки.

— Думал, что это просто красивая ваза, а оказалось — великий талант. Считал, что это стекляшка, а оказалась — жемчужина. Планировал использовать как игрушку, а оказалось — погребенный и оклеветанный гений. Что скажешь, Сюэ И Хоу Лэн Чэнь, Лэн Цзышу?

— Что?! — Сяо Бай был потрясен. Поскольку это был мир наказания, он не предупредил Чжоу Бая о личности Су Лэна. — Черт возьми, откуда ты узнал?!

Чжоу Бай, лежа на резной кровати, зевнул и произнес:

— Разве это не очевидно? Су Лэн хоть и старается казаться мягким, легким и доступным, он не может скрыть гордости и величия человека, долгое время занимавшего высокое положение. К тому же, он оставался невозмутимым, глядя на главного героя — существо, от которого у любого мужчины невольно возникает влечение. Значит, это мог быть только Лэн Чэнь, единственный, кто не поддался чарам главного героя, а, наоборот, жестоко его использовал.

— ...Значит, ты наконец признаешь, что так обращался с Хуа Цзинжанем, чтобы проверить аuru главного героя? — Сяо Бай мысленно поставил свечку за упокой Хуа Цзинжана.

Чжоу Бай лишь загадочно улыбнулся.

Спустя некоторое время Чжоу Бай нахмурился:

— Однако позже я засомневался. Разве у Лэн Чэня нет брезгливости? Что насчет того поцелуя в конце? Разве он не избегает любых телесных контактов? Если бы проверка не удалась, мне, возможно, пришлось бы все переигрывать.

— Твой персонаж попал в самую точку, задел все нужные струны Лэн Чэня, понимаешь? — Сяо Бай лишился дара речи. — Он уже влюбился, идиот!

Чжоу Бай растянул губы в злой, ослепительной улыбке:

— Разве влюбленности достаточно? В конце концов, он — человек, который получил единственную искреннюю привязанность Хуа Юйтана и жестоко с ней обошелся. Если я не добьюсь его искренней любви, как мне перейти к следующему этапу? И как мне продолжить

проверку Системы... — Чжоу Бай удовлетворенно прищурился.

За стеной Лэн Чэнь прислонился к каменной кладке, не веря самому себе, и коснулся своих губ. Он не понимал, что на него нашло: голова вдруг пошла кругом, и он поцеловал его. И самое невероятное — после поцелуя не возникло привычного отвращения.

Лэн Чэнь вспомнил яркие губы Хуа Юйтана, его чистый взгляд, не соответствующий его ослепительной внешности, и его ясный, благородный вид во время споров о политике. Внизу живота потеплело.

Он поспешно отогнал лишние мысли.

Я испытываю к Хуа Юйтану лишь уважение к таланту, я просто хочу привлечь его на свою сторону, чтобы он служил мне. А поцеловал его только потому, что слишком долго сдерживался, вот и все!

Убедив себя в этом, Лэн Чэнь перестал колебаться и, применив технику легких шагов, направился к резиденции маркиза. Однако его силуэт в лунном свете выглядел так, будто он спасался бегством.

Весенняя ночь была прекрасна, цветы груши слегка покачивались на ветру.

Лето в самом разгаре. Ивы склонили ветви, оглушительный стрекот цикад возвещал о наступлении зноя.

Цветы груши давно опали, оставив лишь густую зелень. Ветви тянулись к небу, полные жизненных сил, уже не такие изящные, как весной. Золотые лучи солнца пробивались сквозь листву, делая фигуру юноши под деревом еще более хрупкой и прозрачной.

Юноша лежал, уткнувшись лицом в каменный стол. Три тысячи черных волос водопадом ниспадали вниз, подчеркивая хрупкий и соблазнительный изгиб спины и талии. Маленькое тело, утопающее в слишком просторных белых одеждах, казалось еще более беззащитным. Юноша слегка повернул голову: идеальный овал подбородка переходил в длинную, тонкую белую шею. Прекрасное лицо было бледным, длинные брови плотно сдвинуты, а губы, прежде напоминавшие нежные лепестки, потеряли цвет.

Юноша не шевелился, его тонкая спина подрагивала. Крупные слезы катились из-под плотно закрытых век, стекая по щекам. Лицо размером с ладонь было мокрым от слез, бледным, словно хрусталь, готовый разбиться от одного прикосновения.

Высокий мужчина в синем одеянии стоял поодаль под деревом. Его черные, как тушь, волосы рассыпались по спине, а взгляд был полон неясных чувств.

Лэн Чэнь стоял всего в нескольких шагах от Хуа Юйтана. Его взгляд был прикован к юноше, а длинные пальцы, белые, как нефрит, с такой силой впились в кору грушевого дерева, что оставили глубокие следы. Он едва сдерживал себя, чтобы не броситься вперед и не заключить этого хрупкого мальчишку в объятия.

С того памятного ночного разговора Лэн Чэнь не мог удержаться от частых визитов в этот маленький дворик, чтобы обсуждать с Хуа Юйтаном великие дела и перемены в мире.

Шло время, и Лэн Чэнь все больше поражался глубине таланта Хуа Юйтана, широте его кругозора и остроте суждений. Он все больше жалел, что такая драгоценность была погребена в грязи и забыта. Они вели страстные споры, проводили время в тишине и покое, попивая вино среди цветов, или просто лежали под деревом, глядя на то, как колышутся ветви и плывут облака.

Лэн Чэнь чувствовал, что никогда не был так спокоен. Ни в суматошных коридорах власти, где каждый улыбается, скрывая нож за пазухой, ни в хитросплетениях интриг — он привык носить маску, вооружать амбиции холодностью и маневрировать в потоках власти. Но он не ожидал, что именно в этом отдаленном дворике, принадлежащем человеку, которого все в стране считали никчемным трусом, он обретет покой и тепло, которых никогда прежде не знал.

Он видел, как другие восхищались красотой Хуа Юйтана, но презирали его робость. Внешне Лэн Чэнь оставался невозмутимым, но внутри его переполняла радость: этот сияющий Хуа Юйтан, скрытый за маской трусости, принадлежал только ему. Это чистое, невинное сердце и полные доверия влажные глаза были подобны сокровищу, которое никто не нашел — только он мог любоваться этим редчайшим драгоценным камнем.

Так продолжалось до тех пор, пока он не получил донесение от Теневой стражи:

— Правый канцлер при смерти, он впал в беспамятство.

Получив отчет, Лэн Чэнь пришел в смятение. В сердце не было ни капли радости от того, что позиции императора ослабли. Напротив, он был охвачен тревогой: Хуа Юйтан так предан отцу, как же он переживет весть о его скорой кончине? Опомнившись, он уже неслся к резиденции Правого канцлера, используя всю свою скорость.

Лэн Чэнь не знал, откуда в его холодном, как лед, сердце взялась эта жалость. Да он и не хотел знать.

Он медленно подошел и осторожно положил ладонь на подрагивающую спину Хуа Юйтана. Он открыл рот, чтобы произнести слова утешения, но они словно застряли в горле — из груди вырвался лишь тяжелый вздох.

— ...Не плачь, — сухо произнес Лэн Чэнь, совсем не похоже на свое обычное красноречие в зале суда.

Хуа Юйтан резко открыл глаза. Глаза, промытые слезами, были ясными, черное и белое четко разделялись. В них, лишенных теней, отражалась вся скорбь мира. Сердце Лэн Чэня дрогнуло, и он невольно заключил юношу в объятия.

Хуа Юйтан бросился ему на грудь, тонкие руки вцепились в узкую талию Лэн Чэня, и он зарыдал в голос.

Лэн Чэнь не видел, сколько нежности и волнения отражалось в его собственных глазах. Он не знал, насколько сильны и глубоки были чувства, струящиеся из его взгляда. Он знал лишь одно: он хочет, чтобы этот человек в его объятиях всегда улыбался, чтобы был далек от любой боли и печали.

— Юйтан, мое настоящее имя — Лэн Чэнь, второе имя — Цзышу. Пойдем со мной в резиденцию маркиза, служи мне. Пока я рядом, никто больше не посмеет смотреть на тебя свысока или обидеть.

Никто больше не заставит твои глаза наполняться печалью.

— Пойдем со мной.

Хуа Юйтан поднял голову с груди Лэн Чэня. В его широко распахнутых глазах застыли слезы. В них читались неприкрытое удивление и страх. Он попытался вырваться из объятий, съежившись и собираясь поклониться.

— Маркиз... господин маркиз, я...

— Тебе не нужно этого делать. — Горло Лэн Чэня пересохло, в сердце кольнуло, кисло-сладкое чувство, словно лиана, крепко обвилось его душу.

Он знал, что его статус станет пропастью между ними. Он был готов к этому, но не ожидал, что этот день настанет так скоро и что ему будет... так больно.

— Я вырос во дворце, среди тьмы и расчетов. Благодаря статусу маркиза я владею богатством и славой, стою выше всех, кроме императора. Но... ты — единственный настоящий друг, которого я выбрал сам. Неужели теперь даже ты... уйдешь от меня из-за моего происхождения? — На лице Лэн Чэня была написана неприкрытая боль. Его обычно легкое, нежное и насмешливое лицо в присутствии Хуа Юйтана впервые стало таким уязвимым и осторожным.

— Нет... это не так! — Хуа Юйтан, забыв вытереть слезы, поспешно затряс головой. — Я правда считаю вас своим другом!

— Тогда зови меня Цзышу.

— Э-э! — Хуа Юйтан жалобно икнул от слез. — Но...

— Ах, я так и знал, — на лице Лэн Чэня отразились печаль и разочарование. — Говоришь, что считаешь меня другом, а даже мое второе имя произнести не хочешь. Эх...

— Э-э! — Хуа Юйтан поспешно замотал головой. — Я... я хочу! Э-э!

Лэн Чэнь пристально смотрел, как открываются и закрываются розовые губы Хуа Юйтана.

— Цзы... Цзышу.

Лэн Чэнь наконец не выдержал и прижал к себе юношу, у которого от слез покраснели глаза, который жалобно икал, но старательно выговаривал его имя. Казалось, он обнимает весь мир.

Юноша, спрятавшийся на груди Лэн Чэня, не видел довольной, хитрой улыбки на его лице.

Ветерок вечности, миг лунного света — это мгновение стало вечностью.

Девятый год Юнцзи, восьмая луна, ночь Цзячэнь.

Кабинет в резиденции маркиза.

Фитиль лампы потрескивал, звук казался неестественно громким в ночной тишине. Колеблющийся желтоватый свет свечи отбрасывал длинный силуэт мужчины на бумагу окна, отделяя его от густой тьмы снаружи.

Лэн Чэнь подпирал голову рукой, облокотившись на стол. Его распущенные волосы, черные, как тушь, ниспадали вниз. Перед ним лежала пожелтевшая книга. Лэн Чэнь нежно касался страниц своими изящными пальцами, выглядя серьезным и сосредоточенным, словно весь мир, вся суeta и потоки времени остались далеко за пределами его личного пространства.

Теневой страж, идеально слившийся с темнотой, дернул уголком рта: хозяин сохранял эту позу уже целый час, страница книги не перевернулась ни разу, а на лице время от времени появлялась глупая улыбка.

#Кажется, я узнал то, чего не следовало знать#

А Лэн Чэнь, сидевший за столом, был в прекрасном настроении.

Три дня назад Правый канцлер скончался. Опора императора лишилась важной фигуры, партия императора понесла тяжелый урон. Хотя вид Хуа Юйтана, убитого горем у гроба отца, заставлял сердце Лэн Чэня сжиматься от боли, в глубине души росло тайное удовлетворение: Хуа Юйтан будет служить ему, скоро он станет полностью его.

В тени Теневой страж снова дернул глазом — хозяин опять глупо улыбается...

#Хозяин, куда делся ваш образ холодного, расчетливого злодея?! Образ хозяина постоянно рушится, что делать?! Срочно! Жду ответа онлайн!#

Внезапно тень бесшумно проскользнула внутрь, становясь еще более призрачной в тусклом свете свечи.

— Говори, — раздался ленивый голос Лэн Чэня.

— Хозяин, император издал указ... он призывает Хуа Юйтана во дворец, чтобы... чтобы сопровождать его.

Воздух словно застыл.

Лицо Лэн Чэня стало страшным. В его темных зрачках пылал глубокий гнев. Вся мягкость и насмешливость, которые он проявлял перед Хуа Юйтаном, исчезли. Мощное давление заставило Теневого стража, стоявшего на коленях, покрыться холодным потом.

— Он думает, я не знаю о его грязных помыслах!

— Как он посмел посягнуть на моего человека...

Подождите, когда же он стал его человеком? Лэн Чэнь замолчал, мысленно спрашивая себя: почему, как только кто-то начинает заглядываться на этого юношу, он теряет контроль над своим гневом? Для такого холодного человека, как он, одного лишь интереса к таланту уже было недостаточно, чтобы объяснить это.

Лэн Чэнь закрыл лицо руками и тихо рассмеялся. Вот оно что... вот оно что!

Только он осознал свои чувства, как этого юношу хотят у него отнять?

Он не позволит! Он категорически не позволит!

В глазах Лэн Чэня сверкнула жажда крови и гнев.

— Раз так, я больше не буду вспоминать о былых отношениях, Ваше Величество.

Из его горла вырвался низкий голос:

— Ань Семь, собери Теневой отдел.

В северном дворе резиденции Правого канцлера в ушах Чжоу Бая зазвенел металлический звук.

— Дзынь! Месть Правому канцлеру (отравление) завершена, награда 200 баллов.

— Дзынь! Захват Лэн Чэня завершен, награда 1000 баллов.

— Дзынь! Задание в резиденции Правого канцлера завершено, открывается копия Императорского дворца. Хозяин, приготовьтесь.

Чжоу Бай полулежал в кресле, на его прекрасном лице играла невинная улыбка, но глаза были темными и непостижимыми. Он изогнул губы в порочной, злой улыбке — соблазнительной и падшей, словно цветущая ликорис, наполненная запахом крови.

<http://bllate.org/book/19864/1955435>